

Два письма

хроника одной семейной жизни

Почему это происходит с нами? Почему мы сердимся, обижаемся, уходим и обвиняем в этом других? Как часто приходится слышать: я его (её) не понимаю. Я же такой хороший (такая хорошая). А со мной вот так... А себя проанализировать и до конца понять пробовали? Чтобы понять мотивацию поступков другого человека, с которым вдруг всё не так, поймите и примите одну вещь: это вы, ваше поведение, ваши поступки подтолкнули его сделать то, что он сделал. «Он (она) так изменился (изменилась) после нашей свадьбы!» И вряд ли имеется в виду – в лучшую сторону, ой, вряд ли... А вы? Вы не изменились, нет? С вами всё, как было? Слабо́ признать, что это в результате жизни *с вами* близкий человек сделался таким, каким вам его видеть (или переносить) стало тяжело.

Не нужно заниматься самобичеванием, грызть себя за что-то. Знакомым и друзьям можно жаловаться и говорить, что угодно. Но перед собой - зачем?.. Найдите в себе силы признаться честно: в размолвках и ссорах правых и виноватых нет. Правы по-своему оба. И виноваты – тоже. По крайней мере, принятие этого поможет понять другого и погасить конфликт, либо прервать ненужные отношения и положить конец этим мукам ада, навеваемым горестными мыслями: «Ах, ну почему всё так получается?..»

Она была отличным собеседником, мы могли говорить часами. С ней было легко и просто.

Всё началось 13 марта. Она пригласила меня к себе, мы долго и душевно беседовали. Она – человек прямой и открытый. И тогда я решил, что для счастья этого вполне достаточно. И предложил пожениться.

Мы произвели необходимые подсчёты и решили, что день свадьбы нужно назначить на 5 ноября...

Наверное, есть люди, которые так и женятся, или выходят замуж. И чувствуют себя при этом очень даже хорошо. Но мне, с моими мечтами о той единственной и неповторимой, которую однажды обязательно встречу, нельзя было этого делать, нельзя...

Впервые я это почувствовал, когда мы ехали к её родителям – чтобы я сделал официальное предложение. Я зашёл за ней. У неё была новая причёска, новый элегантный костюм. Выглядела очень эффектно. А в сердце кольнуло занозой пугающее ощущение: чужая, не моя...

Я не знал, что сказать и как себя вести с её родителями, с которыми был в хороших отношениях, и до этого дня общался вполне свободно. Я не смущался, не нервничал, нет. Я чувствовал себя нелепо и неуютно в этой роли – жениха.

«Мы любим друг друга и хотим просить вашего родительского благословения...» - нет, не я произнёс эти слова. Это, как бы, был голос со стороны. То есть, рот открывал-то я, но голос... был не мой. Потому что я говорил и одновременно с удивлением слушал собственные слова.

Её папа сказал, что совместная жизнь – это не только покупка свадебных нарядов, и что мы должны об этом помнить. На этом, к счастью, официальная часть была закончена.

Второе ощущение ненужности затеваемого было уже в ЗАГСе, когда мы подавали документы. Мы подгадали так, чтобы это был предпраздничный день (тогда годовщины Октябрьской революции – 1989 год – праздновались вовсю), потом можно взять законных три дня в институте, и получалась неделя.

Как оказалось, умных было много, и в день 5 ноября всё уже было безнадежно занято. Помог мой папа. У него нашлись какие-то знакомые, которые куда-то позвонили, и нам, в виде исключения, сказали подойти в такое-то время, к такой-то девушке – она нас запишет на нужный нам день.

Девушка попросила наши паспорта. Сначала записала её данные. Потом взяла паспорт, который ей протянул я, долго и внимательно его изучала. И, наконец, с недоумением спросила: «А кто такая Диана Ефимовна?..» Вместо своего паспорта я взял паспорт моей мамы 😊😊😊

И ещё в третий раз было подобное ощущение. Во время самой регистрации. Пред нами прошли 43 пары!!! Представляете, сколько людей женились «по благу»?!

Состояние в тот день было подавленное, пристукнутое. Мне до сих пор даже как-то не по себе от этих воспоминаний. Ощущение самопотери, как тогда, когда забирали в армию. Но тогда забирали, а тут - сам... И горький вопрос «зачем?..», больно сверливший сердце. А ещё – стыдное, придушенное, полубессознательное, но всё-таки желание ущипнуть себя, проснуться и чтобы всё было, как раньше, до нашей встречи...

У нас всё шло к разрыву с первого дня. Поступательно, планомерно. Мы этому противились, совершенно искренне, порой отчаянно. Но это только продлевало взаимные мучения. Нужен был один-единственный взрыв, сильный, разрушительный. А потом – пережить агонию, и всё... Из нас двоих подрывником оказался я. Но иначе, наверное, быть не могло...

Как два осколка от взрыва, я храню эти два письма – её и моё. Которые объясняют, конечно, многое, но далеко не всё...

1. Её письмо

Это письмо я прошу тебя прочитать очень внимательно и до конца, как бы не хотелось остановиться на половине пути. Ладно? В нём – характеристика. Чего? Ты подумай сам.

Нерадивая, гордая, смелая,
Но уродиной звали её.
Потому что была она белая,
Не такая, как всё вороньё.

Это написано обо мне. Пошли дальше?

Стеклянные цветы похожи на тебя.
Искусственно любя,
С улыбкой даришь ты
Стеклянные цветы.
Стеклянные цветы
Мне даришь вновь и вновь...
Такая вот у нас с тобой
Стеклянная любовь.

А ведь как хорошо и красиво всё было вначале. Ты помнишь? Но...

Придумайте сюжет
О нежности и лете,
Где смятая трава
И запах васильков.

Рассыпанным драже
Закатятся в столетья
Напрасные слова,
Напрасная любовь.
Напрасные слова –
Виньетка ложной сути...

У вашего крыльца
Не вздрогнет колокольчик,
Не спутает следов
Мой торопливый шаг.

Вы первый миг конца
Понять мне не позволяйте,
Судьбу напрасных слов
Не торопясь решать...

А «первый миг конца» я поняла уже давно. Но всё
надеялась – в мае, июне... до середины июля. Увы!..

Мне осталась одна забава –
Пальцы в рот да удалый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах, какая смешная потеря!..
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога не верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Я долго надеялась, что это временное «затмение сердца».
Но это – нечто другое.

А напоследок я скажу:
Прощай, любить не обязуйся.
С ума схожу иль восхожу
К высокой степени безумства.

Как ты любил – не в этом дело.
Как ты любил... Ты погубил,
Но погубил так неумело.

Знаю, тебе сейчас очень неприятно. Но всё же, найди в себе мужество дочитать до конца. Ты прочтёшь здесь то, что было когда-то сказано или сделано нами, только с маленьким комментарием. Пойми, это не обвинение. Это – констатация факта и его оценка.

1. У меня плохой анализ крови. Но ты не едешь со мной. Знаешь, почему? Потому что ты боишься. Чего? Ты лучше знаешь.

2. «Я сказал родителям, что если они не захотят отсюда уезжать, они принудят нас (тебя и меня) жить без детей». Это твои слова. Правда, давние, но твои. Так вот: кто дал тебе право решать судьбу моих детей? Кто дал тебе право убивать их ещё до рождения? Ты предал их, этих детей, одной этой фразой. Вот как много значат слова!

3. С самого начала ты знал, что твои родители никуда не хотят ехать. Что они считают, что у них хотят отобрать сына. А мне ты ничего не говорил. Наоборот, всё хорошо, прекрасная маркиза, родители, в общем, не против... Как это называется? «Святая ложь»?

Святая ложь, пусть даже ты свята.

Твоя мне ненавистна доброта.

4. Таинственным образом исчезла наша свадебная фотография с видного места. А ты, такой внимательный, даже и не заметил, как растоптали саму память о нашей любви. А если и заметил, то не воспротивился этому. Я понимаю, родители святы. И я это не отрицаю.

Глупый мальчишка,
О чём ты страдаешь?
Что в жизни бывает –
О том ты не знаешь.

Нам папы и мамы
Очень нужны,
Но можно всю жизнь
Прожить без жены.

Так оставайся с ними. Ты сделал свой выбор, и никто не вправе осудить его. Но... оставайся с родителями, но без меня. Я не буду тебя ждать, хотя и люблю. Всё, что произошло, я называю духовным предательством, которое во сто крат хуже физического. Я не смогу этого простить – я слишком хорошо знаю себя. У меня была любовь «звездопада» - красивая, большая. А сейчас, после того, как мой единственный и неповторимый нырнул в кусты, что есть у меня сейчас?!..

P.S. Спасибо тебе за наши первые полгода счастья. Жаль, что они не повторятся. Ведь мы были так счастливы. Или только я?

2. Мой ответ

Бесчисленное множество раз перечитывал твоё письмо, восстанавливая в памяти до мельчайших подробностей все предшествующие ему события.

Что ж, у каждого человека своё миропонимание, своя оценка происходящего, своё отношение к другим людям, даже самым близким. Но давай договоримся так: откровенность – за откровенность. И раз твоё письмо – не обвинительный акт в мой адрес, а «констатация факта и его оценка», то и мой ответ, я надеюсь, не будет воспринят, как жалкая попытка оправдаться. Я постараюсь объяснить причины моего поведения и ещё то, почему, на мой взгляд, мы пришли к тому, к чему пришли.

Письма – прекрасный способ изложения мысли. Есть такие вещи, о которых далеко не каждый раз будешь

говорить вслух, да и всегда ли в этом есть необходимость?.. До сих пор я больше отмалчивался. И совсем не из страха, нет; просто я понял, что во многих важных вопросах мы занимаем разные позиции, с которых никогда не сойдём. Но, прочитав твоё письмо, я понял: молчать больше нельзя, молчать – преступно. И вот мой ответ, *моя правда*...

Начиная с 13-го марта, жизнь моя превратилась в ярко-красочный праздник любви, где всё было... ну, прямо как в сказке. Я был счастлив. Впрочем, не только я. Мы! Мы были счастливы!! Нам было так хорошо вместе!!!

И счастье казалось бескрайним, как океан, и мелкие бытовые передрыги жалкими клочками водорослей выбрасывались на берег, и эта сказка, созданная нами и для нас, казалось, не закончится никогда. И цветы, которые я тебе дарил, были отнюдь не стеклянными. Напротив, они были живыми, пушистыми и разноцветными... Другое дело, что иногда, не отрывая взгляда от учебников, ты могла просто сказать: «Поставь в вазу». На меня это действовало угнетающе, так же, как когда ты приходила с работы и отворачивалась от меня, даже не поцеловав. Но я глотал эти обиды, словно горькие пилюли, стараясь расценивать их как «мелкие» и «незначительные». Хотя это было совсем-совсем не так...

В апреле произошёл надлом. В моей душе. Апрель был тяжёлым месяцем для твоих родителей, в особенности, для мамы. Ты очень переживала, и это естественно. Но, прости, может, то, что я хочу сказать, чересчур эгоистично. Однако, это мои мысли, и никуда от них не деться. В такие дни (это были не минуты, не часы, а именно дни!) я переставал для тебя существовать, а порой просто отягощал тебя своим присутствием. И ты столько раз, совсем не в шутку, предлагала мне уехать к родителям. Чтобы не маячить перед глазами. Не топтаться под ногами. Помнишь?..

Да, я сам предлагал тебе: если хочешь побыть одна – скажи мне об этом. Но ведь это состояние преследовало тебя постоянно! Ты настолько ушла во внутрисемейные дела своих родителей, что наши отношения постепенно скатились до уровня «сегодня и завтра не приезжай - я не хочу тебя видеть, а послезавтра созвонимся – может, я подостыну и разрешу тебе приехать». Извини, но совместной жизнью это уже назвать я не могу...

Самое лучшее в такой ситуации – жить отдельно. Но я надеялся тогда, что всё ещё изменится. И потому молчал, не хотел давать дополнительных поводов для твоих нервов, слёз и плохого настроения.

Теперь об отъезде. Вот ты пишешь, что я «ушёл в кусты», боюсь, а чего? – мне лучше знать... Ничего я не боюсь и ни в какие «кусты» я не уходил. Да если бы я любил тебя так, как в самом начале, я бы и для родителей нужные слова нашёл, и их бы убедил ехать. А если бы даже не нашёл и не убедил, я бы уехал просто с тобой – и всё. Слышишь?! Просто взял бы и уехал! И никто бы меня не остановил. Но всякий раз я представлял себе, что новое недоразумение в вашей семье может оказать очередной побочный эффект на меня, и я там, в чужой стране, окажусь никому не нужным. И уж, конечно, я не верил словам твоей бабушки и мамы, что *там* нам гарантирован покой и чуть ли не благоденствие с первого дня приезда. *Там* будет настолько сложно, что все возникавшие здесь сложности покажутся ничтожными. И столько ещё предстоит нахлебаться, прежде чем начать жить по-человечески!.. И если бы в этой ситуации я оказался один, не знаю, *что* бы чувствовал...

Но это ещё не всё. Да, мои родители не соглашались ехать, но и сопротивлялись крайне слабо. Стоило мне однажды проявить настойчивость, как они заявили, что в принципе не возражают. И это была не ложь! Но потом я

прекратил эти разговоры и больше не настаивал. Я уже написал, почему.

Потом я заболел. Боли были действительно очень сильными, до колик в мозгу, до изнеможения. С каждым днём я чувствовал себя хуже. Траванулся, что называется, по полной программе. Первые два дня ещё как-то держался, а потом совсем сдал. И вот, в тот самый момент, когда мне действительно требовалась твоя помощь и участие – помощь и участие близкого, любящего человека, ты потребовала (не попросила, не посоветовала, а именно потребовала!), чтобы я поехал домой, к маме. Ибо варить мне кушать, давать таблетки и просто посидеть со мной у тебя времени нет. Ты, такая преданная, любящая и верная, ты, горячими ночами нашей любви шептавшая, *как ты меня любишь*, не смогла оставить даже на время свою частную ученицу, иврит, плюнуть на институт ради мужа. Пойми, я не осуждаю тебя. Я говорю, как я это понимаю, и что бы сделал сам (и, кстати, неоднократно делал! – разве нет?), если бы был на твоём месте.

Я тогда еле дополз до такси. Все эти 10 дней был у родителей, а ты не нашла времени даже, чтобы меня проведать. Не потому ли ты приехала на одиннадцатый день, что в нотках моего голоса услышала что-то новое и отчуждённо-пугающее? Во мне зрело решение...

Итак, ты приехала. В тот же вечер, 26-го июня, состоялся наш памятный разговор. Я сказал тебе не всё, но многое. Я сказал, что не могу понять такого отношения. Когда ты думаешь обо всех и обо всём – о родителях, об учёбе, о работе, о дополнительном заработке. Обо всех и обо всём, кроме меня, твоего мужа. Но даже после этого ты не предложила мне вернуться. А когда я сам сказал, что могу и хочу приехать, ты ответила, что позвонишь мне, как только у тебя появится время...

Всё, что произошло в июне, я расцениваю однозначно. Это последняя капля. Я был нужен тебе, пока был здоров, носил домой продукты, делал уборку, ухаживал за тобой, когда ты болела. При первом, и, кстати, не самом серьёзном испытании судьбы ты меня бросила. И это не ошибка, не проступок, не глупость, наконец. Это – твоя сознательная позиция. Тогда, уже тогда я понял: это конец. Конец нашим отношениям. А молчал и недоговаривал только потому, что и самому было, ох как трудно поверить в такой исход!..

Нашу свадебную фотографию я убрал сам. Знаешь, почему? После подачи заявления на развод в ЗАГС, я по-прежнему носил кольцо на правой руке, не смотря ни на что. Ты в Москву уехала без кольца, тем самым освободив себя от всяческих обязательств. В чём же ты упрекаешь меня?

И последнее. Правда в том, что уехать отсюда, по-видимому, всё-таки придётся. Но уедем мы в разное время, разными путями, в разные места. Значит, как видишь, дело не в родителях, а во мне самом. И твоя «болезнь крови», как сказала тогда мне врач, не представляет в данный момент сколько-нибудь серьёзной опасности. И это никогда не было и не могло стать преградой для нашего счастья.

По сути дела, люди, которые ничем мне не обязаны, вылечили меня, поставили на ноги, возились со мной пол лета, любя меня и оберегая, заботясь как о собственном ребёнке. Зачем я им был нужен? У них своя жизнь, свои проблемы. Но именно они смогли поддержать меня в эту минуту, помочь поверить в то, что кроме своих родителей и Игоря я ещё кому-то в жизни нужен. Они смогли, а ты – нет. Не смогла, не догадалась, не захотела...

Поверь, мне сейчас больно и трудно. Но я уверен, что поступаю правильно. Это – мой выбор, и он уже сделан.

Никогда не повторится
Вечер при свечах.
Легкокрылая Жар-Птица
Выпорхнет, крича.

Улетит, не разбирая
Лабиринтов тьмы,
Вдаль от Солнечного Мая,
Где гуляли мы.

Мы погасим наши свечи,
С ними заодно –
И огонь той первой встречи;
Это решено.

Дни потянутся, как прежде.
И в тиши ночей
Станет вновь моя надежда
Светлой, как ручей.

И в рассветный дым за нею
Я уйду в поля,
И поверю, что сумею
Всё начать с нуля.

...Никогда не повторится
Вечер при свечах.
Легкокрылая Жар-Птица
Выпорхнет, крича.

Что ж, лети навстречу Чуду
В дальние края!
Я держать тебя не буду;
Ты же – не моя...

Два осколка грусти, два письма, при прочтении которых сжимает, сдавливает сердце тоска: почему, ну почему так получается? И нет желания что-то повторить или исправить, нет. Тут другое. Если бы я тогда был такой умный, как теперь... я бы никогда на этой женщине не женился. Она могла бы, наверное, быть мне хорошим другом, человеком, с которым приятно и нужно поделиться сокровенным, почитать стихи, пройтись шумным городом.

Я ведь никогда её не любил. Я себе внушил любовь. Потому что, если бы любил, разве не простил бы свою обиду?

А она? Она любила? Да, наверное. По-своему. Но это было другое, совсем другое. Всё другое.

Мне говорили, но я и сейчас не очень-то этому верю, - нужно друг друга воспитывать. Но я же не эталон! Кто сказал, что я отношусь к ней безукоризненно и всё понимаю правильно, а она – нет? Мне её надо было пытаться выдрессировать, заставить заботиться обо мне, как я этого хочу, так? Достичь этого обидами, постоянными ссорами, угрозами развестись? Но я предпочёл просто уйти. Хотя, если бы любил...

Если бы я был такой умный, как теперь, я бы пошёл другой дорогой. И – почти наверняка – споткнулся и обжёгся бы в другом...

1990 - 2004

